

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В РОМАНЕ В.ЯНА «БАТЫЙ»

<https://doi.org/10.5281/zenodo.11562904>

Рогозинникова Нина Германовна

*старший преподаватель Национального университета Узбекистана
г.Ташкент*

Аннотация

Цель статьи – проанализировать способы раскрытия художественного потенциала имени собственного в исторической прозе Василия Яна. Используются методы лингвистического анализа художественного текста. В результате исследования выявлено, что автор при назывании героев своего произведения использует антропонимы реального имени тюркоязычных народов, что способствует созданию национального колорита. Внутренняя форма имени дает возможность выявления комплекса ассоциаций и его ассоциативно-семантических полей. Сделан вывод, что, используя художественный потенциал внутренней формы имени собственного, автор успешно моделирует в романе инокультурную действительность средствами русского языка.

Ключевые слова

историческая проза, русскоязычная литература Узбекистана, имя собственное, внутренняя форма, денотат имени собственного, лингвистическое моделирование, художественный текст.

ARTISTIC POTENTIAL OF THE INTERNAL FORM OF A PROPER NAME IN V. YAN'S NOVEL "BATY"

Rogozinnikova Nina Germanovna

senior lecturer at the National University of Uzbekistan, Tashkent

Annotation

The purpose of the article is to analyze ways of revealing the artistic potential of a proper name in the historical prose of Vasily Yan. Methods of linguistic analysis of literary text were used. As a result of the study, it was revealed that the author, when naming the heroes of his work, uses anthroponyms of the real name of the Turkic-speaking peoples, which contributes to the creation of national flavor. The internal form of names makes it possible to identify a complex of associations and its associative-semantic fields. It is

concluded that, using the artistic potential of the internal form of a proper name, the author successfully models a foreign cultural reality in the novel using the Russian language.

Key words

historical prose, Russian-language literature of Uzbekistan, proper name, internal form, denotation of a proper name, linguistic modeling, literary text.

Значительным явлением в русскоязычной прозе Узбекистана по праву считаются исторические романы о Средней Азии таких известных писателей, как С.Бородин, В.Ян и М.Шевердин. Эти выдающиеся прозаики открыли русскому читателю Среднюю Азию, ее богатую историю, неповторимый красочный колорит, своеобразную культуру и быт азиатских народов. Средствами русского языка им удалось воссоздать дух Востока, способствуя взаимопроникновению и взаимодействию культур.

Их творчеству посвящено немало литературоведческих работ. Однако неповторимый и своеобразный язык их романов об истории Средней Азии, к сожалению, мало изучен. И если к произведениям С.Бородина исследователи обращаются сравнительно часто, то проза Василия Григорьевича Яна (Янчевецкого) почти не изучена. Фрагментарно попадали в поле зрения лингвистов лишь ориентализмы, которые рассматривались с точки зрения отношения их к той или иной тематической группе (одежда, оружие, постройки и т.п.) или языку и времени заимствования (арабскому, фарси, монгольскому и др.) [1]. Однако способы создания восточного колорита средствами русского языка в произведениях этих авторов не исчерпываются набором введенных в ткань повествования «восточных» лексем. Эта тема намного шире: она многослойна и многопланова. Можно отметить, что в способах передачи национального колорита у всех названных выше писателей много общего, и это является особенностью русскоязычной исторической прозы Узбекистана.

Создавая эти произведения, авторы ориентировались на русского читателя, живущего за пределами Средней Азии и мало знакомого с особенностями восточного быта и культуры. Другая часть их читательской аудитории – представители нетитульной нации, связавшие свою судьбу с Узбекистаном. Живя в инокультурном окружении, они имеют возможность проникнуться восточной культурой (кроме непосредственного ее узнавания) и через художественные произведения, созданные на родном для них русском языке. Интересным в этом плане, на наш взгляд, является творчество Василия Григорьевича Яна и в частности – его историческая трилогия «Нашествие

монголов» («Чингисхан», «Бытый», «К последнему морю»). Обратимся к одному из этих романов – «Батый».

Лингвистическое моделирование инонациональной культуры в художественном произведении средствами родного для автора языка – обширная и многоаспектная проблема, которая своеобразно решается на различных языковых уровнях. На лексическом уровне можно выделить один из пластов лексики – имена собственные. Поэтическая ономастика еще в середине 20 в. выделилась как отдельный раздел языкознания и с тех пор активно развивается, поскольку имена собственные являются одним из способов глубже раскрыть идею произведения, решить художественную задачу автора.

В.В. Виноградов отмечал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [2, с.38].

Как отмечают исследователи, «ониимы могут отражать особенности культуры того или иного этноса, при этом культурно-исторический потенциал в одних именах проявляется ярче, в других менее интенсивно. Признание лексического значения у имен собственных в совокупности с культурным отражением позволяет говорить о способности ономастической лексики обладать дополнительным коннотативным значением, отражающим историко-культурную специфику» [3, с.83] В.В. Беляев пишет: «если мы имеем дело с художественным произведением, в котором все действующие лица порождены авторской фантазией, то кажется очевидным, что автор располагает, по-видимому, достаточной свободой при выборе того или иного антропонима для любого из своих персонажей. Но мнимая произвольность антропонима на самом деле является осознанной или интуитивно угаданной необходимостью выбора именно этого, а не другого имени» [4, с.135].

Как известно, восточные имена обладают так называемой внутренней формой, т.е. образуются путем онимизации апеллятивной лексики, что свойственно антропонимическим системам многих народов. Такие антропонимы обладают богатым выразительным потенциалом, который нередко используется писателями Узбекистана в художественных целях. Имена с прозрачной внутренней формой могут выполнять в произведении даже сюжетобразующую функцию.

Выбрать то или иное имя, переводить его на русский язык или не переводить, обыгрывать его значение или нет – зависит от художественной задачи автора. В.Ян вплетает личные имена в художественную ткань своего романа.

Яркой внутренней формой обладает и имя героини романа Юлдуз. Перевод ее имени дается автором в постраничной сноске: «Юлдуз – звезда» [5].

Имя выбрано, конечно, не случайно. Во-первых, это довольно популярное восточное женское имя. Во-вторых, его денотат обладает определенным набором положительных коннотаций как в русском, так и в узбекском языках. Фраза одного из героев романа «Ты будешь *счастливой звездой* на моем пути» вызывает целый ряд ассоциаций, связанных с переносными, метафорическими значениями лексемы *звезда*.

В Большом универсальном словаре русского языка [6] читаем:

«ЗВЕЗДА | А. Небесное тело, космический объект в виде шара, состоящего из светящегося газообразного (плазменного) вещества». Отметим здесь эпитет *светящийся*, важный для образа звезды в обыденном русском языковом сознании и для дальнейшего анализа. Далее выберем из словарной статьи эпитеты, переносные значения, метафоры, устойчивые словосочетания, отражающие характерные ассоциации, связанные с понятием *звезда* не в терминологическом значении: *маленькая, яркая... свет (блеск, сияние)...любоваться звёздами... светят, сверкают, сияют, блестят, горят, освещают*.

То обстоятельство, что древние путешественники при отсутствии приборов ориентировались по звездам, породило выражение *путеводная звезда* и придало образу звезды сверхъестественную силу. Далее в цитируемом словаре отмечается: звезды – «по представлениям астрологов: такие небесные тела как источник или проводник сверхъестественной силы, определяющей ход жизни на Земле и судьбы всего живого». Появляется и переносное значение: «Удача, счастье, судьба, к-рые суждены кому-л. и – по поверью – определяются одним из небесных тел. Верить в свою звезду. Надеяться на свою счастливую звезду. У каждого своя з.» [6]:

В другом словаре находим: «*перен.* Предопределенное роком счастье, благоприятное предначертание судьбы, удача (книжн. ритор.; в немногих выражениях, восходящих к астрологическим поверьям). *Взошла з. славы. Верить в свою звезду. Родиться под счастливой, несчастной звездой* [7]. Как устойчивое выражение оно входит в словари: «Путеводная звезда – о том, кто

или что помогает выбрать, направляет чей-л. жизненный путь, определяет направление и характер чьей-л. деятельности». В таком метафорическом значении образ звезды имеет устойчивую литературную традицию: «Товарищ верь: взойдёт она, | Звезда пленительного счастья... Гори, гори, моя звезда!» [6].

Примечательно, что образ звезды ассоциируется с образом любимой женщины: «7. перен. поэт. устар. личность (преимущ. женщина) как воплощение предопределённого судьбой счастья ♦ Но где ж Зарема, звезда любви, краса гарема? Пушкин, «Бахчисарайский фонтан», 1821–1823 г ♦ На звёзды глядишь ты, звезда моя ясная! В. С. Соловьёв, «Из Платона», Стихотворения 1872–1882 г ♦ Звезда моего счастья» [7].

Особенности какой-либо культуры ярче всего проявляются в сравнении с другой (при сравнении актуализируются либо сходство, либо различия, что в любом случае значимо, а для языкового моделирования образов культуры – особенно). В данном случае образ звезды превращается в некий культурный концепт, имеющий и в русском, и в узбекском языке схожие черты.

Устойчивое выражение «путеводная звезда» существует и в узбекском языке: «1) йўлчи юлдуз, йўл кўрсатадиган юлдуз; 2) перен.книжн. йўл-йўрик кўрсатувчи (тўгри йўлга бошловчи) киши, мураббий, йўлчи юлдуз; этот человек всегда был моей ~ой звездой: бу киши мен учун хамиша меҳрибон мураббий (йўлчи юлдуз) бўлиб келди [8].

Писатель приводит перевод апеллятивной основы онима, для того чтобы читателю стала понятна глубинная связь имени девушки с предначертанной ей судьбой, выраженная в словах юноши:

«Он остановился на пороге и с удивлением рассматривал девушку:

– Как зовут тебя? Откуда ты?

– Меня зовут Юлдуз. Я сирота, живу у Назара Кяризека.

– Твой голос поет, как свирель. Ты будешь счастливой звездой на моем пути...» [5].

По сюжету так и случается. Этим юношей окажется будущий хан Батый, который возьмет ее в жены и не захочет расставаться с ней, своей «звездой» даже во время тяжелых военных походов.

Другой юноша, но уже любимый самой Юлдуз – Мусук – тоже называет ее своей звездой.

«Мусук засмеялся и воскликнул:

– Не плачь, Юлдуз! Ты моя счастливая звезда! Я отправлюсь в поход, и днем и ночью думая о тебе» [5]. И хотя не суждено им быть вместе и испытать

счастья, о котором мечтали, но и в его судьбе она однажды сыграет решающую роль – спасет его от казни.

Как видим, правы исследователи, которые отмечают, что «имя собственное не только номинирует объект, но и участвует в формировании общей оценки номинируемого образа. Онимы, отличающиеся наибольшим количеством моделей связи и социально-прагматической ценностью, обладают повышенной ассоциативностью» [9].

В плане исследования ономастического пространства художественного произведения продуктивным представляется использование так называемой полевой методики. Она предполагает выявление комплекса ассоциаций, порождаемых именем собственным в художественной речи, а также составление его ассоциативно-семантических полей. Под ассоциативно-семантическим полем понимается «совокупность ассоциаций и оттенков смысла, объединяющая группу слов и выражений языка вокруг какого-либо ключевого понятия (концепта) в сознании говорящего или текста» [10, с.49].

Опишем ассоциативно-семантическое поле ключевого антропонима – Юлдуз (звезда) с учетом приведенных выше словарных толкований лексемы *звезда* и ассоциаций, возникающих в языковом сознании читателей: как русскоговорящих представителей титульной нации, так и тех, для кого русский язык является родным. То, что Юлдуз является одним из ключевых онимов, доказывает тот факт, что автор ставит его в заглавие главы. Заголовок – самая сильная позиция либо всего текста, либо его части. Из 113 глав только 6 в заголовке имеют антропоним и два из них – женские имена. Интересно, что одно из них (Юлдуз) – имя жены монгольского хана Батыея, а другое (Княгиня Евпраксеюшка) – имя жены русского князя Феодора. В смертельной схватке противостоят два народа; ненависть, кровь и смерть стоят между их правителями. Но женщины (и та, и другая) вне политики, их помыслы – о семье, о муже. Они очень похожи – две женщины разных народов. Их «зеркальное отражение» поддерживается и сквозным образом *звезды*. Про нее говорит князь Глеб Батыею: «Вот князю Феодору особенно следовало бы привезти свою молодую жену Евпраксию. Она заморская царевна и славится красотой, как звезда на небе» [5]. Юлдуз смотрит на князя Феодора не как на врага. Она ценит в нем честность, отвагу и прямоту. «Младшая [из жен (Юлдуз) – Н.Р.] сказала: – Этот урусут храбрый и благородный муж» [5]. И, явно думая о своей жене (ведь только что разговор был о ней), князь смотрит на жену хана, еще не зная, что это последняя женщина, которую он видит в своей жизни. «Феодор выпрямился, тряхнул кудрями, пристально взглянул

на похвалившую его юную жену Бату-хана..., закутанную в парчовые блестящие одежды» [5]. Автор романа как бы хочет сказать: именно женщины – совесть любого народа, они носители истинной нравственности и общечеловеческих ценностей: любви, преданности, верности.

Автор в лице Юлдуз создает образ простой девушки, которая ценит простую, естественную жизнь своего кочевого народа: «Юлдуз рано утром, как всегда напевая песенку, погнала ягнят». «Мне не надо никаких подарков! Ведь мы хотели с тобой поставить свою юрту на берегу ручья, где у нас будут свои ягнята, где мы будем иметь каждый день свежую лепешку и кусок сушеного творога» [5]. Скот, лепешка, сушеный творог – ключевые концепты кочевой жизни, которые в качестве национально-культурных ассоциаций входят в рассматриваемое ассоциативно-семантическое поле. Лепешка и до сих пор у азиатских народов один из символов национальной культуры. Это залог жизни: не случайно именно лепешки, которые испекла Юлдуз, станут пищей для Батыя, спасающегося от вражеской погони, поддержат его силы в пути. Не забыв об этом, именно Юлдуз он выберет себе в жены, как и обещал при первой их встрече: «Ты будешь моей счастливой звездой» [5].

Метафорическое значение лексемы *звезда* далее в романе поддерживается и как бы раскрывается в развернутом сравнении. Одна из глав носит название «*Семь звезд Бату-Хана*». В.Ян пишет: «На этих верблюдах едут «*семь звезд*» Бату-хана. Так их называют в отряде. Это его семь прекрасных жен» [5]. Не только в отряде так называют ханских жен, так называет их и мать правителя, поясняя: «Как на небе ночью на Повозке вечности [созвездие Большая Медведица – Н.Р.] светится *семь звезд*, так и тебе в пути будут верно и преданно светить, принося счастье и радость, семь лучших красавиц, которых я сама выбирала». И далее: «Если джихангир, занятый военными заботами, не хочет сейчас видеть свое *блистательное созвездие*, может быть, он пожелает увидеть его в пути. Но тогда *звезды* будут далеко. Предусмотрительнее взять их с собой!» [5]. Так называет их и автор: «В пути «*семь звезд*» держались отдельным караваном, имея особую охрану»; «Далее расположились подковой шатры *семи звезд* Бату-хана, его прекрасных жен»; «Жены Бату-хана, его «*семь звезд*», ехали вслед за головным отрядом. Такова была воля ослепительного». Так называет их сам Бату-хан: «Мои «*звезды*» будут со мной всюду, куда я ни поеду!» – сказал Бату-хан» [5].

Батый, вспомнив о девушке, чьи лепешки когда-то спасли его от голода, собирается найти ее, чтобы взять в жены: «Но одну из семи я выберу сам. Это должна быть девушка, которую зовут «*Утренняя звезда*», Юлдуз...» [5].

В художественном тексте имя собственное приобретает индивидуально-художественное значение. Это художественное значение, т.е. смысловое наполнение значения имени собственного в художественном тексте характеризуют, как считает О.Фонякова, средства вторичной номинации, идентифицирующие способы наименования персонажа (или объекта): определения, перифразы, синонимические замены, деминутивны формы, местоименные субституты [11, с.104]. Интересно, что средством вторичной номинации героини романа Юлдуз выступает денотат ее имени – *звезда*, который используется в тексте в качестве синонимической замены. За главой «Семь звезд Бату-Хана» следует глава «Седьмая звезда» – именно так и называют теперь седьмую, самую юную жену Бату-хана Юлдуз. «Жены пытались задержать его просьбами, слезами и воплями. Но Бату-хан, не слушая их, дошел до седьмого шатра *своей младшей звезды*, где пожелал пить кумыс, привезенный кипчакскими ханами» [5]. Так называет ее автор: «Молодой брат *седьмой звезды* блистал алмазами на пестром индийском тюрбане, золотым поясом и кривой дамасской саблей» [5]. Так называет ее служанка-китаянка, используя деминутивную, уменьшительно-ласкательную форму: «Чи-то пальцы нежно коснулись локтя, и тонкий голос прошептал: – О чем ты плачешь, *звездочка*? Это еще не горе, большое горе еще впереди» [5].

О значимости этих небесных тел (звезд) в культуре и науке древнего Востока вообще говорит и рассказ китаянки о своем отце, который автор не случайно вставляет в разговор служанки с младшей женой Бату-хана, его «седьмой звездой» – Юлдуз. «Я начала жизнь счастливо и беззаботно в доме отца. Он понимал значение каждой звезды и по их движению *предсказывал будущее человека*. Отец проводил каждую ночь на крыше дворца цзиньского императора и все, что узнавал по движению и скрещению звезд, записывал в большую книгу. А утром он показывал книгу главному смотрителю дворца, который рассказывал все важнейшее самому владыке – повелителю Китая» [5]. Звезды способны определять будущее не только человека, но и великих держав.

В ассоциативно-семантическое поле ключевого антропонима – Юлдуз вовлекаются ассоциации, возникающие в языковом сознании читателей в связи с образом звезды: *маленькая, яркая... свет (блеск, сияние)...любоваться звёздами... светят, сверкают, сияют, блестят, горят, освещают* (в соответствии со словарными толкованиями). При создании образа героини автор использует лексемы, вызывающие подобные ассоциации: «Юлдуз в *шелковой* [шелк блестит и переливается] китайской одежде, в высокой бархатной

шапке, убранный *золотыми* [золото блестит, сияет] кружевами, встретила гостей»; «Она оживилась, только увидав небольшое *серебряное* зеркальце. Она взяла его в руки, внимательно посмотрела на *блестящую* полированную поверхность [полированное серебро блестит]: – Вот какая я стала теперь! Раньше, когда я целые дни ходила в степи, у меня был *золотистый* загар»; «Вернувшись из похода, он всем привезет подарки, а для Юлдуз особенно: и красную *шелковую* рубашку до пят, и *цветной* [яркий] пояс, вышитый *бисером*, и зеленые *стеклянные бусы*, похожие на *изумруды* [бисер, стеклянные бусы, изумруды блестят и переливаются], и перстень с камнем, *сверкающим голубыми искрами* [искры сверкают]» [5]. Семантически обыгрывается и ассоциации с размером звезд – *маленькая*: «Он обратился к *маленькой* женщине, закутанной в шелковое покрывало: – Как твое имя, *маленькая хатун*? – Юлдуз, мой повелитель»; «– *Маленькая Юлдуз-Хатун*, – сказал Бату-хан, усевшись на сафьяновых подушках позади костра, – я вспомнил, что ты умеешь хорошо рассказывать сказки» [5].

Типичное, очень распространенное у тюркоязычных народов имя – одна из составляющих образа героини, которая описывается как типичная восточная девушка. Из индивидуальности – только ямочки на щеках. В остальном ее образ складывается из характерных для восточных девушек черт, которые также входят в ассоциативно-семантическое поле образа: «*скромна, красива*, глаза ее пронизательны, на щеках у нее ямочки, но худа и *пуглива* она, как дикий гусенок»; «Мусук не мог утешить *нежную робкую* Юлдуз» [5].

Таким образом, исторические романы Василия Яна представляют значительный интерес не только для литературоведческого анализа. Яркий, выразительный, насыщенный образностью язык этих произведений показывает широкие возможности лингвистического моделирования культурно-исторического и национального кода определенного народа средствами иного языка, что может и должно стать объектом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Назарова Ш. Э. Использование экзотизмов в романе В. Яна «Чингисхан» // [Central Asian Academic Journal of Scientific Research](http://centralasianjournal.com) Scientific Journal Impact Factor (SJIF) 2022=4.63 Passport: <http://sjifactor.com/passport.php?id=2223Q> // Электронный ресурс:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-ekzotizmov-v-romane-v-yana-chingishan>;

Расули М. М. Постигание Востока: наблюдения над языком и стилем современной русской ориентальной прозы.–Ташкент: Издательство литературы и искусства им.Гафура Гуляма,1988. – 212 с. и др.

2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963

3. Рыбакова А.А. Семантика именных групп поэтонимов и их функциональные особенности в русском языке// Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, 2017, 9, № 2 - <http://soc-journal.ru>.

4. Беляев В. В. К вопросу о латентной семантике антропонимов в художественной прозе Ф. М. Достоевского и Итало Звево // АМА. Вып. 6. – Саратов, 1986. – С. 135-145.

5. Василий Ян. Батый. – М.: Эксмо, 2007 //Электронный ресурс:http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141020&lfrom=1021453250&ffile=1

6. <https://gramota.ru/poisk=slovari>

7. <https://kartaslov.ru>

8. <https://www.google.com/search>, <https://www.translate.ru>

9. Кузьмина М.И. Имя собственное в художественной речи// Актуальные вопросы современной филологии и журналистики 2015 - <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-v-hudozhestvennoy-rechi>

10. Актуальные проблемы лингвистики. Н. Новгород: НГПУ, 1998.

11. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.